

Цзян Чэнъянь с улыбкой смотрел на Сюй Сянжу:

— Разве ты не знаешь, что она изменилась? Ведь именно ты получила пользу от её перемен, не так ли?

Сюй Сянжу задумалась на мгновение, затем ответила:

— Если так говорить, то младшая госпожа Ань действительно изменилась. Кажется, она стала добросердечной, щедрой и готовой помогать другим.

На лице Цзян Чэнъяня по-прежнему играла мягкая улыбка, но его взгляд уже не был столь доброжелательным. Он считал, что Сюй Сянжу притворяется глупой!

— Как бы она ни была щедра и готова помогать, она вряд ли станет хорошо относиться к тебе, с кем у неё были разногласия. Я знаю её с детства и хорошо понимаю её характер — она из богатой семьи, с детства не знала нужды, но не учила стихи и песни, не читала классиков, не занималась рукоделием, не любила изысканные искусства, такие как чайная церемония, игра на музыкальных инструментах, каллиграфия и живопись. Единственное, что её интересовало — это возиться в полях.

Сюй Сянжу спросила:

— Какое это имеет отношение к её характеру?

— Как это может не иметь отношения? Именно поэтому она лишена изысканности и изящества, присущих девушкам из знатных семей, и ведёт себя своевольно. Когда ты защищала свои поля, ты не была виновата, но она обвинила в этом тебя. Это и есть её высокомерие. В последующие дни она не уступала, постоянно создавая тебе трудности и лишая покоя.

Цзян Чэнъянь говорил спокойно и безмятежно, словно речь шла о чём-то незначительном, но только он и Сюй Сянжу знали, что внутри он уже давно испытывал множество недовольств по отношению к Ань Тун.

А для Сюй Сянжу слова Цзян Чэнъяня явно раскрывали его высокомерие и низость. Он был благородным человеком, но в то же время совершал подлые поступки, хотя сам не считал их таковыми, всегда находя оправдания своим действиям.

Сюй Сянжу не спешила высказывать свои истинные мысли, не защищала Ань Тун и не соглашалась с его мнением, а размышляла о цели, с которой Цзян Чэнъянь говорил с ней.

Очевидно, он хотел, критикуя Ань Тун, завоевать её расположение, а затем используя её разногласия с Ань Тун, вызвать в ней недовольство.

Но что он мог получить от этого?

Она была уверена, что Цзян Чэнъянь тоже был эгоистичным человеком, и без выгоды он не стал бы говорить с ней откровенно.

Просто потому, что она не ладилась с Ань Тун, он нашёл человека с похожей позицией? Но если это так, то почему раньше он никогда не обращался к ней?

После долгих размышлений Сюй Сянжу пришла к выводу, что Цзян Чэнъянь, возможно, хотел

получить от неё что-то, что могло бы навредить Ань Тун.

— Наши разногласия на самом деле начались не с того случая, — сказала Сюй Сянжу.

Цзян Чэнъань внутренне оживился. Он потратил столько усилий, чтобы наконец услышать что-то интересное:

— О? Не с того раза, когда она хотела уничтожить поля семьи Сюй?

Сюй Сянжу слегка улыбнулась:

— На самом деле, когда я с родителями впервые приехала в деревню Фуцю, семья Ань раздавала еду голодающим. Человек, раздававший еду, видя, что я худая, дал мне два лишних пампушки, но младшая госпожа Ань, будучи своевольной, не позволила мне съесть больше, чем мои родители, и забрала мои пампушки, заставив меня извиниться.

Цзян Чэнъань задумался:

— Если я не ошибаюсь, это было тринадцать лет назад, когда в округе Хуайнань случилась засуха и голод. Маленькой Тун было всего три года. Уже в три года она была такой жестокой?

В то время в семье Ань ещё был дедушка Ань Тун, занимавший должность чиновника, и их семья была одной из самых влиятельных в уезде Таоцзян.

Сюй Сянжу кивнула:

— Мне тогда было всего пять лет.

— А что было потом? — спросил Цзян Чэнъань.

— Позже староста Ань дал мне пять пампушек.

Цзян Чэнъань был ошеломлён. События явно вышли за рамки его ожиданий. Он услышал, как Сюй Сянжу сказала:

— Благодаря этому инциденту с младшей госпожой Ань, староста Ань обратил внимание на нашу семью, самую неприметную среди голодающих, и дал нам пять лишних пампушек.

— ... — Цзян Чэнъань нахмурился. — Это можно назвать "несчастьем, обернувшимся удачей".

— Но разве вы забыли, что я говорила? Младшая госпожа Ань начала ссору, потому что я съела три пампушки, а мои родители — только по одной. Это показывает, что она с детства знала о сыновней почтительности. Разве это не похвально для трёхлетнего ребёнка?

Цзян Чэнъань понял, что Сюй Сянжу защищает Ань Тун, и разозлился, не получив желаемого ответа.

— Даже если позже у меня с младшей госпожой Ань возникли разногласия, она меня не любит, а я её ненавижу. Но если подумать, я не слишком пострадала, и она тоже не получила от меня никакой выгоды. После взаимных обид и расчётов между нами не осталось никаких разногласий, которые стоило бы вспоминать.

— Ты хочешь сказать, что вы рассчитались?

— Как это возможно? — Сюй Сянжу усмехнулась. — Прежние разногласия действительно улажены, но теперь, когда она хорошо ко мне относится, я, наоборот, должна ей.

Цзян Чэнъянь почувствовал, что Сюй Сянжу его обманула. Он был в ярости, но на лице по-прежнему сохранял улыбку. До тех пор, пока Ань Тун не выдержала и не подбежала к ним:

— Брат Цзян, Сюй Сянжу, что вы делаете?

Ань Тун постоянно напоминала себе, что Цзян Чэнъянь и Сюй Сянжу были судьбой предназначены друг другу, а она была лишь камнем на их пути, и ей не следовало вмешиваться. Но видя, как они улыбаются друг другу, она почувствовала боль в сердце.

Цзян Чэнъянь был ещё терпим, но Сюй Сянжу редко улыбалась ей, а теперь так сладко улыбалась Цзян Чэнъяню, что её сердце наполнилось горечью.

— Хм, у меня к Цзян Чэнъяню раньше были только братские чувства, а сейчас их и вовсе нет. Я точно не ревную! — Ань Тун отвергла мысль о ревности.

Она несколько раз хотела подойти и послушать, о чём они говорят, но сдержалась. Когда её настроение окончательно испортилось, она решила, что нужно показать им своё присутствие.

Её появление застало Цзян Чэнъянь и Сюй Сянжу врасплох, так как они не знали, слышала ли Ань Тун их разговор. Однако учитывая, что она заговорила издали, вряд ли она что-то услышала.

Цзян Чэнъянь выглядел немного неловко. Он взглянул на Сюй Сянжу с предупреждением в глазах: сегодняшний разговор не должен стать известен никому другому, иначе он ей покажет!

Сюй Сянжу тоже понимала, что об этом нельзя говорить с Ань Тун, ведь у неё был брачный договор с Цзян Чэнъянь. Если она проговорится, и семья Ань и Цзян решат, что это она разрушила их союз, семье Сюй будет трудно остаться в Таоцзяне.

— Сяо Тун, ты нашла время выйти прогуляться? — Цзян Чэнъянь легко обошёл тему их разговора с Сюй Сянжу.

К счастью, Ань Тун, находясь в заблуждении, не стала расспрашивать, а сказала:

— Да, только что прошлась по полям. Мои конские бобы растут всё лучше. Проходя мимо семьи Сюй, я услышала, что Сюй Сянжу вернулась, и зашла сюда.

— О, раз Сяо Тун нашла госпожу Сюй, я не буду вам мешать.

Слова Цзян Чэнъянь были полны нестыковок, но Ань Тун не стала копать глубже, позволив ему уйти. Повернувшись, она увидела, что Сюй Сянжу смотрит на неё с лёгким любопытством.

— Вы что... — Ань Тун указала в сторону, куда ушёл Цзян Чэнъянь. — Устраивали свидание?

Сюй Сянжу запнулась, взглянув на Ань Тун с сочувствием: она ведь не знала, как её жених на самом деле к ней относится?

Ань Тун, не получив ответа, широко раскрыла глаза:

— Правда? Вы действительно устроили свидание при свете дня? Это же... Не могли выбрать лучшее место и время?

— ...Мне кажется, ты словно радуешься этому? — подумала Сюй Сянжу, но вслух спросила:

— Что ты хотела? Почему Цуй Жоу и Шао Жу не с тобой?

— Сегодня у Цуй Жоу выходной, она ушла домой, а Шао Жу плохо себя чувствует, и я не стала её беспокоить, позволив ей отдохнуть.

— Значит, ты действительно случайно зашла? — не последовала ли ты за Цзян Чэнъань?

Последний вопрос Сюй Сянжу не задала вслух, так как она всё больше терялась в догадках о мыслях Ань Тун.

Сегодняшний разговор с Цзян Чэнъань напомнил ей о многих прошлых событиях.

Их разногласия были улажены не потому, что она хорошо понимала Ань Тун, а потому что с возрастом она начала видеть больше смысла. Ань Тун, которую она ненавидела, не была полностью плохой, просто она задевала её интересы, поэтому Сюй Сянжу и ненавидела её.

С годами она перестала смотреть на вещи с одной точки зрения, и, вероятно, Ань Тун тоже, поэтому в последнее время её поведение стало таким противоречивым.

Ань Тун огляделась и, убедившись, что рядом никого нет, тихо сказала:

— Я только что заходила к вам домой и заметила, что твой отец, кажется, дома. Неужели ты рассказала ему о том деле?

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16381/1482434>